

Монгольской Народной Республике — 50!

Монгольский народ под руководством своей партии, при международной помощи Советского Союза и других братских социалистических стран неуклонно добивается важнейших успехов...

Из доклада Ю. Цеденбала на торжественном заседании в Улан-Баторе

Поэт Уртпасан

Звучит монгольская народная песня

Песня В. Мурадели «Бухенвальдский набат» в исполнении оркестра народных инструментов под управлением дирижера С. Сундэда. Солист Д. Жаргалсайхан

Ансамбль песни и танца МНР исполняет «Танец с веретенами»

11.6

Молодежный танец

подчеркнувший, что эта опера принадлежит к его самым ранним итальянским воспоминаниям; и Александр Дмитриевич Улыбышев, писавший о «Тараре» как об «одной из лучших опер староитальянской школы, исправленной стилем Глюка»; и такой авторитетный ценитель, как Россини, заявивший, что опера «содержит великолепные места», тут же добавил: «как и все оперы Сальери».

Известно, что опера «Пальмира, царица персидская» произвела очень сильное впечатление на композитора Конрадина Кройцера (к слову, в эту оперу, поставленную в 1795 году, когда еще не отзвучали громы Французской революции, Сальери впервые в истории музыки ввел мелодию «Марсельезы»); что Спонтини выразил «свое безграничное восхищение» оперой «Данаиды»; что Шуберт, ставивший высоко произведения Сальери, особенно «Аксур» и «Данаиды», отметил в своем дневнике ораторию Сальери «Иисус в чистилище»: «Она написана чисто по-глюковски», — высший балл по шкале того времени. В том же дневнике юный музыкант говорит о своем учителе как о художнике, который «познал природу и сохранил естественность, несмотря на противоестественное окружение нашего времени».

Да, скажем еще раз, Сальери не был гением. Но он был истинным творцом-художником. Признание несомненных достоинств его музыки ничуть не умаляет ценности шедевра Пушкина, «бессмертные типовые образы» которого «не имеют никакого отношения к историческому Сальери» (Маризтта Шагинян. Воскрешение из мертвых). Великая «маленькая трагедия» остается тем, что она есть, — гениальным обобщением эстетических и этических идей, прекрасной поэтической легендой. Творческое же наследие Сальери имеет самостоятельное значение.

Почему же оно было предано забвению?

Свою версию ответа на этот вопрос недавно предложил некий концертмейстер в отставке, персонаж повести молодой писательницы Л. Уваровой «Переменная облачность» («Юность», 1974, № 8). Упомянув — ни к селу, ни к городу — имя Сальери и безапелляционно осудив его на основании пресловутой «исповеди», старый скрипач заметил: «И вот, представьте, ни один оркестр мира никогда, ни в одной стране не согласился исполнить хотя бы одно произведение Сальери. Такова была месть музыкантов тому, кто погубил гения».

«Наблюдение» скрипача (точнее — автора повести) не отвечает действительности. (Уж ежели говорить о «заговоре» против Сальери, то в нем скорее можно заподозрить не орке-

стры мира, а некоторых современных беллетристов.) Конечно, предубеждение против Сальери, рожденное легендами и вымыслами, сыграло отрицательную роль в судьбе его наследия. Но дело не только и, пожалуй, не столько в этом. Давно сошли со сцены оперы Галуппи, Йоммелли, Саккини, Мысливечека Хассе и других выдающихся современников Сальери. Отзвучали симфонии, концерты, квартеты многих прославленных в свое время и отнюдь не лишенных таланта, равно как и чести, творцов музыки. Вспомним и наших соотечественников, чье творчество только теперь, спустя многие десятилетия, начинает понемногу «возрождаться» — Бортнянского, Пашкевича, Фомина, с их музыкально-сценическими произведениями, Хандошкина, с его скрипичными пьесами, Алябьева, с его симфоническими и камерными композициями, а также мастеров хоровой музыки более раннего времени.

И именно в наши дни наблюдается определенное оживление интереса к творчеству знаменитого венско-итальянского музыканта. В Италии с успехом были вновь поставлены его оперы «Пещера Трофона» и «Фальстаф». В Польше широкий резонанс вызвало возобновление его «Аксура». Постановка в августе 1973 года музыкальной комедии Сальери «Сначала музыка, а потом слова» была расценена в прессе как «кульминация» и «главный выигрыш» пользующегося международной известностью фестиваля в югославском городе Дубровники. Это произведение украсило также программу Фестиваля двух миров в Сполето (Италия) в 1974 году. Кроме того, известны постановки этой музыкальной пьесы в Бруклинском колледже (Нью-Йорк) и Брукнеровской консерватории (Линц). На протяжении нескольких последних десятилетий произведения Сальери издавались в Италии, Австрии, Германии. В разных странах, в том числе и у нас, выпускаются пластинки с записью его музыки. Внимание общественности и печати привлекли концерты музыкантов Ленинграда и Львова с программой, включавшей произведения Моцарта и Сальери.

С полной очевидностью выявилось несоответствие привычных представлений о музыке Сальери ее действительной сущности в новом балете московского Большого театра «Моцарт и Сальери». Артист, изображающий гениального композитора, танцует здесь под звуки Дивертисмента и Фортепианного концерта Моцарта, его антагонист — под звуки Двойного (для флейты и гобоя) и Тройного (для скрипки, виолончели и гобоя) концертов Сальери. И вот парадокс: «отрицательный тип», которого на сцене изображают замкнутым, озлоб-

ленным и мрачным, раскрывает свой характер в... привлекательной, благородной и изящной музыке! Как отмечает рецензент «Музыкальной жизни» Е. Луцкая, «из наследия Сальери выбраны для спектакля наиболее «моцартианские» по духу опусы» (1973, № 18). «Моцартианские»? Но суть в том, что названные произведения итальянского мастера как раз типичны для его творчества, это и есть «сальерианские» произведения в прямом и точном смысле слова!

А имеют ли пишущие представление о подлинном облике Сальери как человека?

Немецкая музыкальная энциклопедия «Музыка в истории и современности» дает обобщенную характеристику личности Сальери: «Радужный и любезный, доброжелательный, жизнерадостный, остроумный, неисчерпаемый в анекдотах, цитатах, славный изящный человек, с огненными сверкающими глазами, с загорелой кожей, всегда мил и опрятен, живого темперамента, легко воспламеняющийся, но столь же легко примиряющийся...» (статья австрийского музыковеда Отмара Вессели).

Венский историк музыки Эрих Шенк, автор новой фундаментальной биографии Моцарта, в статье о Сальери, помещенной в итальянской музыкальной энциклопедии Рикорди, пишет: «Своим открытым и разносторонним

умом, врожденным пониманием красоты и радостей жизни Сальери и как человек представлял собой тот тип музыканта эпохи раннего романтизма, который знаком нам, в частности, по фигуре Бетховена». Можно не до конца принять эту характеристику, можно сделать некоторые оговорки, но нельзя не посчитаться с суждением компетентного ученого, беспристрастного исследователя и знатока музыкального прошлого Вены. Это суждение опирается на свидетельства многих современников Сальери, среди них таких, как Россини, Рохлиц и Цельтер (см. письма последнего к Гёте). Все они характеризуют венского маэстро как жизнелюба, человека доброго нрава.

Оставляя в стороне аналогичные высказывания видных итальянских ученых, процитируем в заключение Германа Аберта, автора классической биографии Моцарта: «Сальери был добродушный, благожелательный и, особенно, благодетельный человек».

Такова правда истории. Но тяжела, ох, как тяжела дорога к правде.

И в землю бьет молва, как молот,
А он в земле, из-под плиты,
Лишь правды, а не доброты,
У каждого столетья молит.

(Л. Болеславский. Сальери)